

Н.Н. Низаметдинова
доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного университета

**О РЕЦЕНЗИИ НИКИТИНА О.В., БАЛУТЫ А.А., КОРЕНЕВОЙ Ю.В.
НА ПОСОБИЕ «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» НИЗАМЕТДИНОВОЙ Н.Н.***

Прежде всего, в профессорско-преподавательской и научной среде считается неприемлемой недоброжелательная форма изложения критических замечаний, отмечаемая в рецензии и демонстрирующая неприязненное отношение лично к автору, что уже априори свидетельствует о предвзятости и необъективности оценки рецензируемого сочинения. О тенденциозности данной рецензии говорит также отсутствие в ней какой-либо положительной характеристики пособия. Между тем оно было рекомендовано к изданию официальными рецензентами известными учеными – доктором филологических наук профессором Л.Ф. Копосовым и доктором филологических наук профессором М.В. Ивановой. Решением заседания кафедры истории русского языка и общего языкознания и решением Учебно-методической комиссии Историко-филологического института МГОУ учебное пособие «Введение в языкознание» Низаметдиновой Н.Н. было рекомендовано к включению в Тематический план издания учебной, научной и справочной литературы на 2015–2016 учебный год. Учебно-методическим и Редакционно-издательским советами МГОУ было принято решение об издании данного учебного пособия.

В Предисловии пособия указано, что необходимость его написания была продиктована резким сокращением учебных часов, отводимых на заочном отделении факультета русской филологии МГОУ на изучение данной основополагающей в филологическом образовании, базовой учебной дисциплины (4 лекционных часа и 2 практических часа). Следствием такого сокращения аудиторных часов явилась весьма низкая подготовка студентов-заочников по рассматриваемой дисциплине, которую многие годы ведет на заочном отделении автор текста рецензии д.ф.н. профессор Никитин О.В.

Незнание базовых лингвистических понятий, отсутствие элементарных навыков лингвистического анализа студентами-заочниками выявлялось мною в процессе преподавания последующих дисциплин лингвистического цикла – исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, лингвистического анализа текста. Так, например, студенты проявляли совершенную беспомощность в фонетическом транскрибировании слов (одно из необходимых заданий контрольной работы № 1 по исторической грамматике русского языка, аттестация которой отражается в зачетной книжке), не могли внятно отве-

тить на такие элементарные вопросы, как, например: Какие языковые единицы вы знаете? Какова наименьшая значимая единица языка? Что такое система языка, уровни языка? Что такое литературный язык? Какие формы общенационального языка существуют? и многие другие.

В Предисловии указывается: «Пособие содержит необходимый минимум сведений по данной дисциплине, достаточный для выполнения студентами-заочниками контрольных заданий по этому предмету, а также подготовки к экзамену. Для получения более глубоких знаний рекомендуется обращаться к существующим учебникам по введению в языкознание, прежде всего к учебнику А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (5-е изд., испр. – М.: «Аспект Пресс», 2010), признанному классическим».

Проигнорировав выделенную мною здесь жирным отсылку, рецензенты Балута, Коренева и Никитин иронично-саркастически окрестили пособие «решебником», содержащим «намеренное упрощение теоретического материала» и приводящим «к снижению успеваемости и познавательной активности студентов, к диссоциации». В связи с этим зададим вопрос профессору Никитину: Имеет ли он реальное представление об образовательном уровне своих студентов, знает ли он о том, что в результате преподаваемого им курса студенты не владеют элементарными знаниями по этому предмету? Поэтому, может быть, следует начинать преподавание данного сложного предмета с максимально ясного и простого изложения предписанных курсом «Введение в языкознание» базовых лингвистических понятий с тем, чтобы заложить основы лингвистического образования?

Мы не ставили перед собой задачи представить все существующие теоретические разработки по тем или иным разделам. Данная задача ставится при ведении учебных курсов «Общее языкознание», «История лингвистических учений». Рецензенты, особенно не утруждаясь в выборе выражений, высокомерно замечают: «В главе 3 «Фонология» (с. 46–53) нет ни одного слова о научных открытиях в этой области Н.С. Трубецкого... Не говорим здесь о необходимости апелляции и к трудам Р.О. Якобсона». При этом рецензентами не замечается, что в данном разделе пособия говорится об основоположниках теории фонемы: «Приоритет в разработке теории фонемы принадлежит русской науке. Возникновение теории фонемы связано с деятельностью Казанской лингвистической школы, где работали Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845–1929) и Николай Вячеславович Крушевский

* Печатается в авторской редакции.

(1851–1887). Эпими учеными были разработаны основные положения о фонемах как компонентах морфем, о многообразии звуков, объединенных в одну фонему, об изменениях звуков (*дивергенциях*) и чередованиях (*альтернациях*). В советское время наиболее известными учеными, занимавшимися разработкой фонологической теории были Лев Владимирович Щерба (1880–1944) – создатель ленинградской фонологической школы (ЛФШ) и Рубен Иванович Аванесов (1902–1982) – глава московской фонологической школы (МФШ)» (с. 47).

Не выникая в содержание данного текста, в котором указано, что Р.И. Аванесов являлся **главой МФШ** (это общепризнанная в научном сообществе аттестация статуса этого ученого в МФШ), рецензенты в принятой ими циничной форме отмечают: «Судя по напечатанным тезисам с изложением идей Московской фонологической школы, **автор не знаком** с новыми архивными публикациями **на тему истории создания и формирования МФШ, где главным идеологом и стратегом** был вовсе не Р.И. Аванесов, а В.Н. Сидоров (см.: *Опы и дети Московской лингвистической школы*. М., 2004)».

Во-первых, в задачи пособия не входило рассмотрение «истории создания и формирования МФШ»; во-вторых, в критикуемом тексте говорится, что Р.И. Аванесов был главой МФШ, а не единственным ее основателем; в-третьих, общеизвестно, что основателями МФШ являлись Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин, и трудно определить, кому из этих ученых принадлежит главенствующая роль в создании МФШ; в-четвертых, из материала статьи о В.Н. Сидорове в сочинении «Опы и дети Московской лингвистической школы» (М., 2004) вовсе не следует, что именно он являлся «**главным идеологом и стратегом**» в МФШ.

Проявив в очередной раз небрежность в критическом рассмотрении пособия, рецензенты отмечают: «В п. 4.1 о развитии письма нет выхода в современность; к примеру, ничего не сказано о функционировании в новейшее время пиктографических элементов». Им, по-видимому, уже было недосуг вникнуть в содержание, главная цель – припечатать автора острым критическим словом и заодно продемонстрировать свою «эрудицию». Напомним, что в пункте 4.1. пособия рассматривается история письма, этапы его развития. Современное же состояние письма, в том числе и с использованием пиктографии, представлено в пункте 4.2.

Критические замечания в отношении главы 5 «Лексикология» изложены крайне некорректно, стилистически небрежно, содержат субъективные домыслы и могут быть охарактеризованы как весьма тенденциозные. Данная глава начинается так: «Язык состоит из слов. Дать определение понятию *слово* довольно сложно, т.к. слова различны по своему значению, функции в языке. Существует значительное количество определений данного понятия. В качестве рабочего определения можно использовать следующее: *Слово* – это звук или звуковой комплекс, имеющий определенное значение, грамматическое оформление и понимаемый коллективом, говорящим на данном языке» (с. 65).

Непонятно, на каком основании рецензенты решили, что начальное выражение «Язык состоит из слов» позиционируется как определение языка и данное выражение является «оборванной цитатой» из работы Ф.Ф. Фортунатова:

«Собственно, и начальный тезис раздела *Язык состоит из слов* (с. 64) является, видимо, **оборванной цитатой из работы «Слова языка» Ф.Ф. Фортунатова**: «Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собою в сочетания в суждениях, в предложениях; поэтому в словах языка мы должны различать слова отдельные и слова в их сочетаниях в мышлении, а поэтому и в речи, в предложениях» (Фортунатов Ф.Ф. *Слова языка // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды*. Т. 1. М., 1956. С. 131). На фоне современных определений языка как **сложной системы систем единиц различных уровней в их взаимодействии** такая фраза бессмысленна. Видимо, автор все-таки хотел сказать студентам, что слово является основной единицей языка. Из определения слова не ясно, почему далее оно сравнивается только с фонемой. Морфема, как и слово, состоит из звуков и имеет значение: *под-, над-, сверх-, тель-* и др. Следовательно, автор должен был указать отличие слова не только от звука, но и от морфемы».

Вызывает возмущение откровенно оскорбительная, не допустимая в научной среде, непрофессиональная форма комментирования текста. «Язык состоит из слов» – это вовсе не определение понятия «язык» и не «оборванная цитата», как пытаются утверждать рецензенты. Если бы они внимательно читали пособие, они нашли бы определение понятия «язык» в п. 1.6. пособия: «**Язык** – это не случайный набор разрозненных фактов, а **система** (← греч. *sýstēma* – целое, составленное из частей; соединение) взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: фонем, морфем, лексем, словосочетаний, предложений» (с.13).

Что же касается представленного в пособии определения слова, то, во-первых, подчеркивается, что оно рабочее; во-вторых, указывается, что слово состоит из звука или звукового комплекса (а не «фонем», как некорректно отражено в комментарии: имеются бесписьменные языки, не все слова письменных языков имеют письменную форму); в-третьих, в определении ничто ни с чем не сравнивается и не устанавливаются отличия «слова от фонемы», в-четвертых, в определении постулируется, что слово имеет грамматическое оформление (в отличие от морфем).

Свидетельством невнимательного прочтения текста является и замечание, представленное рецензентами в весьма некорректной форме:

«Удивительно, как автору удалось обойти в этом разделе понятие о самом главном в лексикологии: парадигматических свойствах слова, о видах лексической парадигматики и синтагматики хотя бы на самом начальном уровне, – и не показать, каким именно образом «язык состоит из слов». Представление о парадигматических и синтагматических отношениях на лексическом уровне дано в п. 1.6. Язык как система. Парадигматика и синтагматика (с.13–15).

Жанр учебного пособия допускает использование чужого текста в определенных пределах. Общепри-

тым является неиспользование ссылок в самом тексте. То, что учебник М.И. Фоминой «Современный русский язык. Лексикология» не включен в Список литературы, является технической ошибкой. Рецензируемое учебное пособие было официально проведено через систему Антиплагиат, и документально подтвержден достаточно высокий процент оригинальности текста – 93,2 %.

Неадекватной критике подвергают рецензенты и п. 5.6. Фразеология. Типы фразеологических единиц:

«В подразделе 5.6. «Фразеология» Н.Н. Низаметдинова без ссылок на источник предлагает *свое* определение термина *фразеологизм*: «Фразеологизм – это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре». Эта дефиниция следует сразу за определением, данным академиком Н.М. Шанским, но ничего нового не вносит. Не говорится в данном разделе и о школе В.П. Жукова и А.В. Жукова и их разработках в этой области, а также об исследованиях В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, ориентированных на учебную практику. Авторитетные теоретические находки и идеи этих ученых наряду с трудами Н.М. Шанского прочно вошли в современный вузовский стандарт».

Учебное пособие написано в соответствии с современной Рабочей программы дисциплины «Введение в языкознание», согласованной с Учебно-методическим управлением МГОУ и одобренной Учебно-методическим советом МГОУ, и как уже отмечалось, «содержит необходимый минимум сведений по данной дисциплине, достаточный для выполнения студентами-заочниками контрольных заданий по этому предмету, а также подготовки к экзамену». В вопросах к экзамену в РПД фразеологии посвящен один вопрос – «Понятие о фразеологическом обороте. Типы фразеологизмов». В рамках этого вопроса достаточным является рассмотрение трудов основоположников направления фразеологии в современной русистике

В.В. Виноградова и Н.М. Шанского. Весьма некорректным со стороны рецензентов является ироничное отношение к представлению авторского определения понятия фразеологизма, четко и просто выраженного и поэтому более понятного студентам: «Фразеологизм – это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре». Ср. с определением Н.М. Шанского: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре».

Проявлением вопиющей недобросовестности, предвзятости является критическое замечание рецензентов в отношении п. 6.3. пособия:

«В подразделе 6.3. «Форма слова и словообразовательные модели» допущены фактические ошибки. Во-первых, автор данного пособия считает тождественными форму слова и словоформу: «**Формой слова, или словоформой, называется...**» (с. 92), следуя лишь одной из точек зрения на данный вопрос (подробнее об этом см.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990)».

Какая же это «фактическая ошибка» – синонимичное употребление терминов «словоформа и форма слова», принятое во многих научных и учебных трудах и словарях? Так, например, в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило выделено в заголовках словарной статьи: «Форма слова (словоформа)». В «Лингвистическом энциклопедическом словаре», к которому рецензенты отсылают для вящего понимания такого употребления как «фактической ошибки», в статье «Словоформа» фигурирует только термин «словоформа» и ничего не говорится о разных точках зрения на употребление терминов «словоформа» и «форма слова», но в статье «Форма» этого словаря прямо указывается: «наряду с термином «форма слова» употребляется термин «словоформа». По-видимому, рецензенты давно не заглядывали в данный словарь, но можно подвергнуть предвзятой критике – нужный негативный след в сознании читателей останется, а достоверность вряд ли кто-то проверит.

Демонстрацией профессиональной некомпетентности рецензентов является вторая якобы «фактическая ошибка», выявленная в пособии:

«Во-вторых, на с. 93 некорректно с позиции современной грамматики трактуется способ выражения грамматической категории лица глагола: «*Я учусь в университете*. Грамматические значения 1 л. ед. ч. выражаются при помощи личного местоимения *я* и окончания *-ю*, а грамматическое значение предл. п. выражается предлогом *в* и окончанием *-е*». Непонятно, причем здесь местоимение *я*. Оно не играет никакой роли. Опустим его: получится *учусь*. Академическая «Русская грамматика» прямо указывает, что «в изъяв. накл. формальное выражение наст. и буд. (просто-го и сложного) вр. связано с личными формами».

В данном случае примером *Я учусь в университете* иллюстрируется гибридный, смешанный, способ выражения грамматического значения лица. Подобными примерами данный способ представляется в учебниках и грамматических справочниках, и незнание этого свидетельствует о профессиональной некомпетентности авторов рецензии.

Вызывает возражение и следующее критическое замечание рецензентов:

В п. 6.4. «Способы выражения грамматических значений» при анализе внутренней флексии как такого способа автор данного пособия чрезмерно увлекается историей русского языка, рассказывая о позициях редуцированных, что не отвечает задачам дисциплины «Введение в языкознание», но если уж эта информация включена, то вызывает недоумение, почему автор ни слова не говорит об исторических основах таких грамматических чередований в других языках, прежде всего романо-германских, для которых аблаут и умлаут являются важнейшими характеристиками грамматического изменения слова».

Акцентирование внимания на исторических явлениях именно русского языка обусловлено необходимостью осуществления профессиональной подготовки русистов, что является задачей факультета русской филологии.

Рассмотрение п. 6.8. в рецензии представляет собой сумбурный поток необъективных критических характеристик пособия с типичным для данной рецензии набо-

ром негативных аттестаций автора, например таких: «Понятие о словосочетании и предложении. Типы синтаксических связей. Типы предложений») не показали способности автора сжимать информацию в логические блоки без потери теоретической глубины. «Необходимый минимум» стал примером упрощенчества за счет научности, т.е. полнейшим примитивизмом».

Как уже неоднократно констатировалось, данное пособие преследует весьма практическую цель – заложить основы лингвистических знаний, что соответствует предмету и задачам учебной дисциплины «Введение в языкознание», это не научное сочинение. В Предисловии пособия отмечается, что для получения более глубоких и научных знаний рекомендуется обращаться к другим указанным источникам.

В рабочей программе дисциплины «Введение в языкознание» синтаксису посвящено три вопроса: 40. Понятие о словосочетании. 41. Предложение и его признаки. 42. Типы предложений (с.26). Изложенный в пособии объем сведений по данным вопросам вполне достаточен для подготовки студентов к экзамену. Хаотично изложенные, зачастую стилистически некорректные, якобы «глубокие и научные» рекомендации рецензентов не могут считаться методически правильными. Более того, в критических замечаниях рецензентов в очередной раз обнаруживается незнание ими основ языкознания (это же слишком «примитивно», с их точки зрения). Так, «бедой» названо использование в двух примерах из восемнадцати предикативных частей сложных предложений для иллюстрации 1) распространенных предложений: *По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит* /А.С. Пушкин/; 2) односоставных предложений: *Еду, еду в чистом поле* /А.С. Пушкин/. Рецензенты комментируют данные иллюстрации таким образом: с их точки зрения, это не пример простого предложения, так как это «несамостоятельная предикативная часть бессоюзного предложения». Непонятно, что же означает выражение «несамостоятельная предикативная часть». По-видимому, рецензентам неизвестно, что в составе сложного предложения предикативные части соотносятся с простыми предложениями. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой читаем: «Предикативная часть сложного предложения – часть сложного предложения, являющаяся по форме простым предложением и вместе с такой же другой частью (или другими частями) образующая единое синтаксическое целое – сложное предложение». Необходимым этапом синтаксического разбора сложного предложения, как известно, является анализ предикативных частей как простых предложений в составе сложного – по составу, распространенности, представленности членов

предложения и т.д. Так что «бедой» использование таких примеров назвать нельзя, скорее беда – это незнание рецензентами элементарных вещей в области профессиональных знаний.

Тенденциозной критике в рецензии подвергается и глава 7. Классификация языков. В рабочей программе дисциплины «Введение в языкознание» данной теме посвящено три вопроса: 48. Понятие о родственных языках. Сравнительно-исторический метод в языкознании. 49. Генеалогическая классификация языков мира. 50. Лингвистическая типология. Морфологическая классификация. В пособии излагаются в достаточном объеме ответы на указанные вопросы. Традиционно на заочном отделении требуется знание генеалогической классификации только индоевропейской семьи языков. В современном учебном процессе установлены довольно жесткие правила следования учебно-методическим рекомендациям, изложенным в действующей РПД. Поэтому критическое замечание рецензентов, что «не включены в пособие структурные классификации языков по фонетическим, синтаксическим и лексическим основаниям, приведена только морфологическая классификация», демонстрирует незнание программных установок.

Выводы, представленные в рецензии, настолько некорректны, необъективны, настолько ниже всякой критики, что нецелесообразно их даже комментировать.

Пособие «Введение в языкознание» – это не компиляция, а выработанный в основной своей части лично автором текст на основе лекций, читанных в 90-е годы на заочном отделении факультета русской филологии. Данное пособие нужно студентом. Те из них, кто пользовался им, успешно сдавали введение в языкознании тому же Никитину, пользовались пособием и при сдаче современного русского языка и даже при сдаче общего языкознания.

Разбор рецензии выявил, что рецензенты не владеют в достаточной степени основами лингвистического знания и в критической оценке рецензируемого сочинения демонстрируют необъективность, предвзятость, тенденциозность.

Таким образом, рецензия на учебное пособие Низаметдиновой Н.Н. «Введение в языкознание» основывается на невнимательном, выборочном и весьма субъективном прочтении пособия, содержит множество неадекватных интерпретаций текста, ошибочных комментариев, показывающих недостаточную профессиональную компетентность рецензентов, отражает откровенно негативное отношение лично к автору, что совершенно неприемлемо в сочинениях такого жанра. Поэтому данная рецензия не может быть аттестована как содержащая объективную оценку рецензируемого пособия.